

ПРОБЛЕМА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА АРТИКЛЯ ИП

Д. ЧЕБЯЛИС

Исследователи старофранцузского языка не считали вопрос о функционировании артикля *ип* во множественном числе сложным. Они обычно отмечали, что в средние века было известно употребление форм *uns* и *unes* в функции артикля, что эти формы в XVI в. были окончательно заменены формой партитивного артикля *des* и что процесс замены начался довольно рано. При попытке дать более подробную характеристику исследователи указывают, что формы множественного числа *uns*, *unes* в функции артикля употребляются с существительными:

(1) обозначающими парные предметы¹,

(2) с коллективными² и

(3) с функционирующими лишь во множественном числе (*pluralia tantum*)³. Лишь два исследователя старофранцузского языка делают более подробные замечания по поводу форм *uns*, *unes*. Э. Гамильшег (указ. соч., стр. 74) указывает, что формы *uns*, *unes* весьма редко встречаются при обычных существительных во множественном числе, а А. Доза (указ. соч., стр. 301) ограничивается замечанием о том, что в средние века можно наблюдать кое-какие следы от *uns* перед существительным во множественном числе.

Интересно отметить, что оба исследователя, ссылаясь на существование множественного числа *uns*, *unes*, приводят один и тот же пример из Aucassin XXIV,

¹ F. Brunot, Histoire de la langue française des origines à 1900, t. I, Paris, 1924, стр. 253; F. Brunot, Ch. Bruneau, Précis de grammaire historique de la langue française, Paris, 1956, стр. 221; K. Sneyders de Vogel, Syntaxe historique du français; Groningue, La Haye, 1927, стр. 26—27; Н. А. Катагощина, М. С. Гурьчева, К. А. Аллендорф, История французского языка, М., 1963, стр. 93.

² Sneyders de Vogel, указ. соч., стр. 26—27.

³ W. Meyer-Lübke, Historische Grammatik der französischen Sprache. Erster Teil, Heidelberg, 1934, стр. 192; К. Г. Нурог, Grammaire historique de la langue française, t. 2, Copenhagen, 1903, стр. 356—357; E. Gamillscheg, Historische französische Syntax, Tübingen, 1957, стр. 74; G. Guillaume, Langage et science du langage, Paris, 1964, стр. 172; А. Доза, История французского языка, М., 1956, стр. 172; Н. А. Катагощина, М. С. Гурьчева, К. А. Аллендорф, указ. соч., стр. 93.

15–20 (Sneyders de Vogel, стр. 26; Nyrop, т. II, стр. 356; Guillaume, Lg. et science, стр. 172; Катагощина–Гурычева–Аллендорф, стр. 93; Шишмарев, стр. 49), между тем как уже один этот факт ставит под сомнение возможность широкого функционирования артикля *un* во множественном числе.

Мнения всех исследователей о том, что формы *uns*, *unes* в конце XVI века окончательно заменяются формой *des*, которая является фактически множественным числом партитивного артикля, так как была образована по той же модели, как и партитивный артикль единственного числа (*de+le > du*, *de+la > de la*, *de+les > des*), совпадают. Однако никто не приводит каких-либо более точных указаний о начале процесса замены и его протекании. Так, Ф. Брюно (*Pensée*, стр. 112) указывает на среднефранцузский период, Шишмарев (*Ист. морф.*, стр. 49) – на старофранцузский, А. Доза (указ. соч., стр. 301) ограничивается общим замечанием о том, что этот процесс начался очень рано. Более точные и обоснованные сведения на этот счет отсутствуют так же, как отсутствует, кроме указания на семантическую характеристику самого существительного, какая-либо попытка тем или иным образом обосновать функционирование форм *uns*, *unes* во множественном числе в качестве артикля.

Форм множественного числа артикля *un* насчитывается очень мало. Из всех собранных нами примеров именных синтагм с артиклем *un* за старофранцузский и среднефранцузский периоды формы множественного числа составляют лишь 1,8%. Это свидетельствует о том, что артиклю *un* было не свойственно оформлять синтагмы во множественном числе и что для функционирования форм множественного числа *uns*, *unes* создавались особые условия.

Анализ материала, которым мы располагаем, позволяет установить, что формы множественного числа артикля *un* впервые появляются в XI в. в *Pèlerinage* (761), затем, правда, в весьма незначительном количестве, встречаются во всех веках, вплоть до XVI, когда они заменяются формами *des*. В XVII в. формы *uns*, *unes* уже отсутствуют.

Дальнейшее изучение материала выявляет одну весьма существенную черту в функционировании форм множественного числа *uns*, *unes*: эти формы отсутствуют в синтагме субъекта, функционируя лишь в синтагмах объекта и обстоятельства. Единственный пример субъекта с *unes* во множественном числе относится к XVI в.: *une messe, unes matines, unes vespres bien sonneez sont à demy dictes* (*Rabl., Garg.*, 40). Обоснование такого позднего, как раз в момент их окончательного исчезновения, появления форм множественного числа в функции субъекта кроется в функционировании всей системы языка.

В изученных нами памятниках функциональное распределение форм *uns*, *unes* выглядит следующим образом: на долю объекта приходится 64%, а

обстоятельства — 34%. Следует отметить, что если ряд объектов в единственном числе не позволяет следовать одному артиклю за другим, то во множественном числе такое чередование становится нормальным явлением. Например, *et regarde sor destre, vit un baile levee et unes hautes portes et un parfont fosse* (Aiol, 1725); *a la maniere et la guise de Galois fu apareilliez: uns revelins avoit chauciez* (Perceval, 604); *vindret message de vers Dovege... au roi unes noveles dire* (Cligès, 1053–55); *il avoit une grande hure plus noire qu'une carboucle... et avoit unes grandes joes et un grandisme mes plat et unes grans narines lees et unes grosses levres plus rouges d'une carbounee et uns grans dens gaunes et lais* (Aucassin XXIV, 15–20); *qui aporta au saint unes lettres lesquies, disoient que...* (Joinville, 66); *et commença a jurer uns si orribles seremens...* (Bérinus, 23); *si faisoit uns grans souspirs en lui complaignant et disant...* (Bérinus, 32). Чередование синтагм объекта с артиклем *un* в обоих числах не является условием для появления форм множественного числа, которые так же, как и формы единственного числа, могут функционировать вполне самостоятельно.

В синтагмах обстоятельства также можно наблюдать чередование форм единственного и множественного числа артикля *un*. Например, *demain les frai pendre ensun cel pin al vent a unes forz estaches* (Pèlerinage, 761); *en unes granz plaines* (Brut, 9271); *estoit caucies d'uns housiax et d'uns sollers de buef* (Aucassin XXIV, 20); *arme d'un es armes blanches* (Graal, 29, 3); *et le pendirent par les bras a unes fourches* (Joinville, 536); *vestu de unes brayes de toile escrue* (Joinville, 321); *cette berrie commença a unes tresgrans roches merveillouses, qui sont en la fin dou monde devers Orient...* (Joinville, 473); *chaussiez d'uns mauvais souliers et affublez d'un mauvais mantelet court qui...* (Bérinus, 37).

Следовательно, формы множественного числа *uns, unes* функционируют преимущественно в синтагмах объекта и обстоятельства. Эти формы реализуются в речевом потоке на протяжении пяти веков, с конца XI по XVI вв. включительно. Крайне редкое их применение требует пояснения. Можно согласиться с замечанием Э. Гамильшега, что *unus* числительное в обязательном порядке предполагает идею множества (указ. соч., стр. 71), т.е. существование бесконечного ряда, образованного как сумма таких же *unus*. Однако нельзя согласиться с тем, что *unus* в функции артикля полностью теряет идею о числе. Как мы указывали ранее, основной чертой артикля *un* является его конкретность, идея которой самым естественным образом может быть связанной с представлением о единичности. По нашему мнению, нет никакого основания полагать, что в *un faldestoed i unt* (Roland, 115) или в *seant sor un riche tappis* (Bérinus, 50) имеют место имена числительные, хотя эти син-

тагмы можно определить как дающие представление о единичности. Карл Великий в походе, очевидно, пользуется одним тронном, а не многими, так же, как в обычных условиях человек сидит на одном ковре, а не на многих. Таким образом, в обоих примерах форму *un* следует считать артиклем, а не именем числительным, хотя в данных примерах она действительно воспроизводит представление о весьма конкретных предметах.

Артикль *un*, будучи представителем идеи о конкретности, близкой к представлению о единичности, в принципе вполне закономерно допускает множественное число, которое в соответствии с требованиями именной синтагмы старофранцузского языка было реальным языковым фактом до конца XVI в. Крайне редкое употребление форм множественного числа объясняется тем, что форма по своей природе противоречила идее множественности⁴. Форма *un* допускала существование такой идеи лишь вне собственных пределов, т.е. в ряду числительных *deux*, *trois* и т.д. Таким образом, именно идея конкретности и единичности была той силой, которая тормозила образование множественного числа внутри самой формы *un*. Поэтому эта форма наблюдается столь редко лишь два столетия спустя после первого выступления формы *un* в качестве артикля (*Eulalie – Pèlerinage*).

Появление форм множественного числа *uns*, *unes* является результатом системности функционирования языка. Именная система французского языка заключает в себе понятие о множественном числе в качестве одного из основных моментов своей функциональной структуры. Первый пример *unes* множественного числа в *Pèlerinage* (761) позволяет сделать вывод, что к этому времени форма *un* уже окончательно стала неотъемлемой частью всей системы детерминативов, в частности, категории артикля. Первый пример артикля *un* в функции обстоятельства относится к IX в. (*Eulalie*), в функции субъекта – к X в. (*Passion*) и во множественном числе – к концу XI в. (*Pèlerinage*). Можно считать, что сила принуждения языковой системы окончательно взяла верх, так как все ее системные возможности оказались полностью реализованными, хотя основная характеристика артикля *un* сильно препятствовала функционированию форм *uns*, *unes* и в конечном итоге привела к замене их формой *des*.

Функция субъекта требует особенно четкой грамматической формы. Следует иметь в виду, что именно субъект оформляет свои синтагмы позднее других функций при помощи артикля *un* в единственном числе (в конце X в. *Passion*). Поэтому не удивительно, что множественное число артикля *un* в функции субъекта появляется также гораздо позднее, чем в других функциях.

⁴ Ср. рассуждения по этому поводу *Guillaume. Langage et science...*, стр. 155, 172–174.

Редкие его примеры в XVI в., т.е. когда формы множественного числа *uns*, *unes* были заменены формой *des*, еще раз свидетельствуют о силе системного принуждения в языке. С одной стороны, принуждение языковой формы становится настолько сильным, что артикль *un* начинает образовывать все возможные формы в пределах данной системы; с другой, итог конечной эволюции все-таки говорит о вытеснении форм *uns*, *unes*, основанных на чисто формальных закономерностях, формой *des*, которая лучше соответствовала всей ситуации языковой системы того времени: выражая идею множества не так полно, как форма *les*, она была близка к идее конкретности, а структурный состав *de + les* не препятствовал ее функционированию в качестве выразителя идеи множества.

Как мы установили, артикль *un* теряет свою подчеркнутую первоначальную конкретность в сочетании с абстрактным существительным. Анализ синтагм с формами множественного числа *uns*, *unes* позволяет определить следующее соотношение с существительными.

Первая группа образуется из существительных, которые воспроизводят предметы, существующие в действительности парами: *uns soulas*, *unes botes*, *uns mauvais souliers*, *uns sollers*, *uns hausiax*, *unes brayes*, *uns revelins*, *unes grandes joes*, *unes grans narines lees*, *unes grosses levres*. Речь идет о различных видах обуви, о наружности человека, характерные признаки которой в пределах естественного существуют парами: щеки, губы, ноздри. Хотя нужно признать, что за пределами естественного, обыденного все эти предметы и части человеческого тела могут существовать в отдельности, скажем, в сказке или в случае инвалидности.

Вторая группа образуется из существительных, которые составляют класс *pluralia tantum*: *unes matines*, *unes vespres*, *uns cisaux*, *unes lettres*, *unes bones genz*, *unes fourches*, *unes forz estaches*. Первые пять существительных функционируют вплоть до современной эпохи только как *pluralia tantum*. Остальные два существительных могут быть причислены к *pluralia tantum* лишь с большой натяжкой. Так издатель памятника Joinville⁵ подчеркивает, что *unes fourches* в значении виселицы употреблялось лишь во множественном числе, так же, как *unes lettres* и *unes roches*. Он, конечно, совершенно прав в отношении *unes lettres*, но скорее всего ошибается насчет *unes fourches* и *unes roches*. *Unes estaches* (*Pèlerinage*, 761) также употребляется в значении виселицы, в тексте это слово встречается еще пять раз, причем один раз во множественном числе *quatre estaches* (293). Вероятно, и *fourches* и *estaches* функционировали в основном в первичных значениях: вилы и колонна; употребление их

⁵ N. de Wailly, Joinville, Histoire de saint Louis, Paris, стр. 225.

в смысле виселицы было случайным и обуславливалось контекстом; они не были специальной единицей в лексической системе языка, так как для осуществления действия повешения могли служить многие предметы.

Третья группа состоит из обыкновенных имен существительных, которые образуют обыкновенно множественное число: *unes granz plaines, unes armes blanches, uns grans dens gaunes et lais, unes hautes portes*. К этой же группе мы относим *unes tres-grans roches*, так как нет никакого основания соглашаться с Н. де Вайи, который причисляет его к *pluralia tantum*, пытаясь доказать специфику множественных форм артикля *uns, unes*.

В четвертую группу входят абстрактные существительные: *uns grans souspirs, uns souspirs, uns si orribles serements, unes noveles*, которые функционируют в обоих грамматических числах на протяжении всего старофранцузского периода (ср. А. Ж. Greimas, *Dictionnaire de l'ancien français*).

Таким образом, анализ сравнительно немногочисленных образований множественного числа с артиклем *un* приводит к выводу, что лишь второй группе существительных свойственна особая специфика грамматической формы, осуществление которой в потоке речи в обязательном порядке требует морфологических признаков множественного числа для всех членов синтагмы, образуемой существительными *pluralia tantum*. Первая группа существительных, правда, обладает некоторой спецификой своей семантики, так как обозначаемые ими предметы или качественные признаки существуют в действительности обычно парами или группами. Однако те же предметы и качества существуют, хотя и редко, в отдельности, поэтому грамматическая форма этих существительных допускает их функционирование в обоих числах.

Третья группа существительных, так же, как и четвертая, — воспроизводит те предметы или явления материальной или мысленной действительности, которые могут быть восприняты как в отдельности, так и во множестве — поэтому их грамматической форме присуща полная реализация обоих грамматических чисел. Сочетание форм *uns, unes* во множественном числе с существительными третьей и четвертой групп свидетельствует о том, что системность языка является всеобъемлющей основой. На ее фоне происходит эволюция языка, которая всегда стремится к полному осуществлению всех возможностей, заложенных в принципах языковой структуры.

Тем не менее, исчезновение форм *uns, unes* к концу XVI в., тогда как *un, une* продолжает функционировать и в современном языке, указывает на то, что основой для употребления *uns, unes* была не только системность языка. По всей вероятности, вовсе не случайно основой для функционирования форм *uns, unes* послужили существительные *pluralia tantum* и те, которые в определенных условиях приближаются к этому понятию. Однако в силу принуж-

деня языковой системы семантическая и грамматическая природа артикля *un* оказалась неполностью стертой. Формы *uns, unes*, с одной стороны, подчинялись морфологической системе старофранцузского имени, с другой же, старались отмежеваться от полного и неограниченного выражения множественного числа, которое было свойственно форме *les*. Своеобразный семантический характер форм множественного числа *uns, unes* был подмечен исследователями старофранцузского языка⁶. Они отмечали, что *uns, unes* выражает *quelques*, что следует понимать, вероятно, как ограниченное множество, которое не достигает своего предела. Следовательно, формы *uns, unes*, морфологически образуя множественное число, семантически полностью его не выражали и тем самым заключали в своей природе некоторую двойственность и противоречивость. Этими свойствами объясняется их крайне редкая реализация в старую эпоху и слабость, которая привела к исчезновению их из системы французского имени.

Однако полнота функционирования языковой системы предполагает существование у всех именных элементов форм множественного числа наряду с формами единственного числа. Поколебленная симметрия должна была быть восстановлена. Этому послужило образование *des*, которое по своей природе предполагало также не полное, не абсолютное, а лишь ограниченное множество. Форма *des*, ставшая морфологическим коррелятом множественного числа для форм *un, une* единственного числа, вошла в систему имени и постепенно стала функционировать в качестве синтагматического выразителя множественного числа вообще.

Vilniaus Valstybinis V. Kapsuko universitetas
Prancūzų kalbos katedra

Įleikta
1970 m. rugsėjo mėn.

Сокращения

- Aiol — Aiol und Mirabel und Elie de S. Gilles, hg. von W. Foerster.
Aucassin — Aucassin et Nicolette. Chantefable du XIIIe siècle, éd. par M. Roques, Paris, 1925 (CFMA).
Bérinus — Bérinus. Roman en prose du XIVe siècle, publié par R. Bossuat, t. I—II, Paris, 1931 (SATF).
Brut — Le Roman de Brut de Wace, publié par Ivor Arnold, t. I, 1938 (SATF).
Cligès — Christian von Troyes Cligès, Hrsg. von W. Foerster und A. Hilka, 4-te Aufl., Halle, 1926.
Eulalie — E. Koschwitz. Les plus anciens monuments de la langue française publiés pour les cours universitaires. Vol. II, Leipzig, 4e Auflage, 1920.

⁶ Ср, например, К.г. Нурог, Gr. historique, т. II, стр. 356.

- Graal — La Queste del Saint Graal. Roman du XIIIe siècle, édité par A. Pauphilet, Paris, 1923 (CFMA).
- Joinville — Histoire de Saint Louis par N. de Wailly, Paris, 12e édition.
- Passion — Passion du Christ. E. Koschwitz, Les plus anciens monuments de la langue française publiés pour les cours universitaires. Vol. I, Leipzig, 4e Auflage, 1920.
- Pèlerinage — Karls des Grossen Reise nach Jerusalem und Constantinopel, ein altfranzösisches Heldengedicht hrsg. von E. Koschwitz und Thureau. 6e Auflage, Leipzig, 1913 (Altfr. Bibliothek, Bd. 2).
- Perceval — Der Percevalroman von Christian von Troyes. Hrsg. von A. Hilka, Halle, 1932.
- Rabelais — OEuvres de François Rabelais. Edition critique par Abel Lefranc. Tome II, Gargantua, Paris, 1913.
- Roland — La Chanson de Roland publiée d'après le manuscrit d'Oxford et traduite par J. Bédier Paris, 124e édition.